

§ 6. Прекращение авторских прав

И так нам остается только заняться писателем независимым, который не состоит ни в звании профессора, ни в звании чиновника, ни в звании священника, который просто распространяет свои идеи посредством листков, прошедших через типографский станок. Каким образом определить следующее ему вознаграждение?

В этом отношении указывают нам дорогу французские короли, первые начавшие выдавать привилегии на печатание той или другой книги, нам остается только следовать их примеру. Автор представляет собою одну из меняющихся сторон, не так ли? с кем же он меняется? — Ни со мною, ни с вами, ни с кем в частности, но вообще со всею публикою. Если представитель общества — правительство не назначает никакого жалованья писателю (спешу оговориться, что я ничего подобного и не требую), то ясно, что на писателя нужно смотреть, как на антрепренера, принимающего на себя весь риск предприятия, что его издание с коммерческой точки зрения не представляет собою чего либо верного, обеспеченного и потому между ним и обществом возникает безмолвный договор, вследствие которого, в виде вознаграждения за труд, автору предоставляется на известное время исключительное право продавать написанную им книгу. Если на издание будет сильный запрос, то автор будет вознагражден с излишком, если издание не пойдет в ход, то он ничего не получит. Для того, чтобы он успел возвратить свои издержки, ему дается 30-летний, 40-летний, 70-летний срок. Я нахожу этот договор совершенно правильным и справедливым потому, что он соответствует всем требованиям, сохраняет все права, соблюдает все принципы, и уничтожает все возражения. Одним словом, автора удовлетворяют, как и всех производителей, даже лучше многих других; но с какой стати может он заявлять претензию на исключительное положение, требовать сверх всего того, что дают ему — торговое право, законы о мене и политическая экономия, еще какой-то бессрочной ренты?

Этот вывод совершенно ясен, и пусть кто нибудь найдет в нем хотя тень софизма. В заключение повторим наши положения: от правительства требуют установления в пользу писателей нового вида права собственности, особой собственности *suī generis*, аналогичной собственности поземельной.

Я ничего не говорю против поземельной собственности, основанной на особых соображениях, об которой здесь нет и речи. Я спрашиваю только на чём основана такая аналогия?

В ответ на это защитники бессрочной монополии пускаются в экономически-юридическое рассуждение, исходною точкою которого служит то положение, что писатель —

производитель, и как таковой имеет исключительное право на пользование своим продуктом. Я согласен на это уподобление, но замечу, что понятие о производительности и права из неё вытекающие вовсе не порождают права собственности в том смысле, в каком обыкновенно принимается это слово, в каком понимают его и защитники литературной собственности. Что литератор имеет право распоряжаться своею рукописью, как ему заблагорассудится и никому ее не показывать, в этом нет никакого сомнения, но что же этим доказывается?

Мне возражают, что всякий продукт, всякая услуга дает право на вознаграждение и что автор, пустивший в обращение свою книгу, может требовать за это какогонибудь эквивалента. Я и с этим согласен, но замечу моим противникам, что ни из понятия о мене, ни из понятия о производстве не вытекает понятие о собственности, и путем тех же аналогий докажу, что писатель, которому предоставлено на известный срок исключительное право на продажу своих сочинений, вознагражден сполна. Требуют, чтобы эта привилегия из срочной превратилась в бессрочную; — но на этом основании и крестьянка, которой за корзинку ягод дают пятьдесят сантимов, могла бы ответить: «нет, вы должны, до бесконечности, платить мне и моим наследникам ежегодную ренту в 10 сантимов». — Неужели же торгующий хлебом, мясом, вином и т. п. может отказаться от принятия платы за товар и требовать замены её бессрочной рентой. Но ведь это значило-бы, подобно Иакову, приобрести право первородства за чечевичную похлебку. При таких условиях не только торговля, но и производительность вскоре вовсе бы остановилась потому, что всякому лицу достаточно было бы поработать несколько лет, а потом жить не трудом, а рентою. Нелепость такого требования очевидна.

Но есть ли хотя какойнибудь разумный предлог для того, чтобы сделать исключение в пользу художников и литераторов. Никакого подобного предлога не представляется. Защитники бессрочной монополии требуя, чтобы она была дарована совершенно безвозмездно и не опиралась ни на соображение личного значения авторов и художников, ни на достоинство их произведений, требуют вещи совершенно выходящей из порядка вещей. С какой стати устанавливать постоянный пенсион в пользу производителей, труды которых столько же сколько и все прочие продукты носят на себе отпечаток индивидуальности и духа времени, и по существу своему столько же ограничены, несовершенны, непрочны и недолговечны? Разве не известно, что произведения чистого, отвлеченного мышления изнашиваются так же скоро, как и промышленные продукты, уничтожаются постоянным движением человеческой мысли, поглощаются, видоизменяются другими последующими сочинениями? Средний срок существования книги не превышает 30-ти лет; перейдя за этот предел, книга уже не может удовлетворить духу времени, становится отсталою и ее перестают читать. Некоторые (весьма незначительное меньшинство) доходят до последующих поколений, но сохраняются только, как памятники древнего языка, исторические источники, археологические редкости. Кто в настоящее время читает Гомера или Virgilia? Для того, чтобы понимать их и оценивать их красоты нужно пройти через длинное приготовительное обучение. Пробовали было ставить на сцену пьесы Эсхила и Софокла, но и это не удалось. Библия, перейдя от Израильтян к Христианам совершенно переменила свой вид. Недавно на наших глазах померкла слава Беранже, а через несколько лет никто не станет говорить ни об Ламартине, ни об Викторе Гюго. Об них как об тысяче других, будут помнить одни любознательные учёные: — вот в чём

заключается бессмертие.

Но, скажут мне, если существование умственных произведений так непродолжительно, то какое же препятствие найдете вы для установления бессрочной привилегии в пользу писателей?

Я нахожу для этого много различных препятствий. Во первых, бессрочная привилегия не соразмерна с заслугами писателей и нарушает законы мены, по которым всякий продукт должен быть оплачен эквивалентом. Давать что либо свыше эквивалента, значит узаконят паразитство, становиться поборником несправедливости. Кроме того, установление такой бессрочной привилегии составляет нарушение прав общества, для которого таким образом умственные труды частных лиц идут во вред, а не в пользу. Наконец, защитники бессрочной монополии вовсе не замечают еще того, что исключительное право продажи своих сочинений, если бы оно было на вечные времена предоставлено авторам, увеличило бы продолжительность существования книги, что значительно повредило бы делу прогресса. О нарушении законов мены я не буду более говорить, но к двум последним причинам, по которым я считаю невозможным установить бессрочную монополию, я возвращусь еще в третьей части настоящего сочинения.

Версия #1

Зверобой создал 24 марта 2025 03:48:07

Зверобой обновил 24 марта 2025 03:49:55